

К ЧИТАТЕЛЮ

Из всех писателей 20-х — 30-х годов XX века Михаил Афанасьевич Булгаков, наверное, в наибольшей мере сохраняется в российском общественном сознании. Сохраняется не столько своей биографией, из которой вспоминают обычно его письма Сталину и единственный телефонный разговор с тираном, сколько своими гениальными произведениями, главное из которых — «Мастер и Маргарита». Оно, вместе с фантастической сатирической повестью «Собачье сердце», пользуется сегодня наибольшей популярностью как в России, так и в других постсоветских государствах. Вместе с тем в последние годы в связи с ростом интереса к истории Гражданской войны и Белого движения в России возросла популярность и романа «Белая гвардия», равно как и написанной на его основе пьесы «Дни Турбиных», на которой в 1920-е годы сформировалась молодая труппа Художественного театра и которая пользовалась уникальной популярностью в 20-е и 30-е годы. Сегодня ее часто ставят под названием ее первых редакций, совпадающих с названием романа «Белая гвардия».

В своем первом романе Булгаков попробовал совместить стиль Льва Толстого, Гоголя и Андрея Белого. От Толстого и Гоголя здесь — длинные повествовательные

периоды, подчеркивающие эпический характер происходящего. От Толстого же — пейзажные описания, передающие настроение героев, и сама форма сочетания семейного романа с философско-публицистическими рассуждениями о причинах и ходе грозных исторических событий 1917—1919 годов на Украине. А вот от Белого Булгаков взял элементы потока сознания, предвосхищенные еще Гоголем, прием передачи живой разговорной речи толпы короткими рублеными фразами, широкое использование песенных текстов для выражения чувств персонажей и атмосферы действия. Патетику Толстого Булгаков предпочитает снижать иронией. Вот, например, замечательный рассказ Шервинского о мнимой встрече офицеров с будто бы спасшимся от расстрела царем:

«— После того как император Вильгельм милостиво поговорил со свитой, он сказал: «Теперь я с вами прощаюсь, господа, а о дальнейшем с вами будет говорить...» Портьера раздвинулась, и в зал вошел наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет момент, я лично стану во главе армии и поведу ее в сердце России — в Москву», — и прослезился.

Шервинский светло обвел глазами все общество, залпом глотнул стакан вина и зажмурился. Десять глаз уставились на него, и молчание царствовало до тех пор, пока он не сел и не закусил ветчиной».

В данном случае эпический стиль рассказа Шервинского воспринимается комически, поскольку все происходит во время пьяного застолья, и сам рассказчик не забывает выпить и закусить. В то же время намерен-

ные повторы одинаковых слов в соседних предложениях («он сказал»; «светло обвел глазами»; «десять пар глаз уставились») подчеркивают монотонность повествования. Его художественная недостоверность заставляет задуматься и о несоответствии сообщаемого Шервинским реальному положению вещей. Недаром Алексей Турбин называет весь рассказ легендой, а Мышлаевский вслед за Марком Твенем шутит, что «известие о смерти его императорского величества... несколько преувеличено». Вместе с тем упомянутый рассказ Шервинского, равно как и многие другие эпизоды «Белой гвардии», построен по законам театрального действия. Отсюда и портьера, откуда появляется воскресший император, и вполне театральная ремарка «прослезился». Не случайно роман «Белая гвардия» Булгакову оказалось сравнительно легко трансформировать в пьесу «Дни Турбиных», где упомянутая сцена с рассказом Шервинского стала одной из самых запоминающихся. Там комический эффект был усилен еще и тем, что после слов Шервинского «портьера раздвинулась, и вышел наш государь» в комнату входит не Николай II, а Ларисик. Что же касается влияния Белого, то скрытые цитаты из его произведений достаточно часто встречаются в булгаковском романе, хотя и помещены в сугубо реалистический контекст. Сам Город (Киев) «Белой гвардии» очень напоминает главное место действия «Петербурга» (1916) Белого и столь же мифологичен. То, что на «Белую гвардию» повлиял «Петербург» Андрея Белого, отмечалось еще в предисловии к парижскому изданию булгаковского романа. Это сказалось в описании Города (родного для Булгакова Киева), в корот-

ких рубленых фразах разговоров на улицах, в иногда возникающем ритме, активном использовании песенных текстов для выражения настроений героев. Подобно автору «Петербурга», Булгаков в «Белой гвардии» неодушевленные предметы и отдельные детали внешности заставлял выступать в качестве самостоятельных субъектов действия; в частности, при описании гусарского полка: «Мохнатые шапки сидели над гордыми лицами, и чешуйчатые ремни сковывали каменные подбородки, рыжие усы торчали стрелами вверх». Вообще при характеристике любой массы людей, толпы, вооруженной и невооруженной, Булгаков акцентировал внимание читателей именно на неживых предметах, на деталях амуниции, одежды. Толпа для него была чем-то неодушевленным, механическим. Так показана, например, «сила Петлюры», идущая на парад: «Несчитанной силой шли серые обшарпанные полки сечевых стрельцов... Ослепительно резнули глаза восхищенного народа мятые заломленные папахи с синими, зелеными и красными шлыками с золотыми кисточками. Пики прыгали, как иглы, надетые петлями на правые руки. Весело гремящие бунчуки метались среди конного строя, и рвались вперед от трубного воя кони командиров и трубачей». Лиц, глаз толпы Булгаков намеренно не дает, ограничиваясь лишь портретом предводителя со смешными, снижающими деталями: «Толстый, веселый, как шар, Болботун катил впереди куреня, подставив морозу блестящий в сале низкий лоб и пухлые радостные щеки».

Отметим, что «Белая гвардия» — это единственный роман Булгакова, где обильно используется раз-

говорный язык, представляющий собой смесь русско-го и украинского просторечия, характерную для Киева. Для создания комического эффекта она перебивается еще и литературно правильным разговором образованной публики: «— Петлюра только что проследовал во дворец на банкет... — Не брешить, никаких банкетов не буде» (в последней фразе отметим соседство русского «никаких» с украинским «не буде»).

Булгаков, несомненно, симпатизировал белым и, наоборот, не питал никакого сочувствия к революционерам, к которым относил как большевиков, так и сторонников независимой Украины. Однако в своем первом и самом любимом романе, запечатлевшем перипетии Гражданской войны в Киеве на рубеже 1918—1919 годов, писатель смог «стать бесстрастно над красными и белыми» и дать «изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы Гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и Мира», как он подчеркивал в своем письме правительству от 28 марта 1930 года. Здесь же он заявил, что «такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией».

Позиция Булгакова в «Белой гвардии» близка к философии ненасилия (непротивления злу насилием), развитой Л.Н. Толстым в основном уже после «Войны и мира» (в романе эту философию выражает только Платон Каратаев). Но булгаковская позиция здесь не вполне тождественная толстовской. Алексей Турбин понимает неизбежность и необходимость насилия, однако сам на насилие оказывается неспособен. В окон-

чании романа, которое так и не было опубликовано в журнале «Россия», он, наблюдая бесчинства петлюровцев, обращается к небу:

«— Господи, если ты существуешь, сделай так, чтобы большевики сию минуту появились в Слободке. Сию минуту. Я монархист по своим убеждениям. Но в данный момент тут требуются большевики... Ах, мерзавцы! Ну и мерзавцы! Господи, дай так, чтобы большевики сейчас же, вон оттуда, из черной тьмы за Слободкой, обрушились на мост.

Турбин сладострастно зашипел, представив себе матросов в черных бушлатах. Они влетают, как ураган, а больничные халаты бегут врассыпную. Остается пан куренный и эта гнусная обезьяна в алой шапке — полковник Мащенко. Оба они, конечно, падают на колени.

— Змилуйтесь, добродию, — вопят они.

Но тут доктор Турбин выступает вперед и говорит:

— Нет, товарищи, нет. Я — монар... Нет, это лишнее... А так: я против смертной казни. Да, против. Карла Маркса я, признаться, не читал и даже не совсем понимаю, при чем он здесь, в этой кутерьме, но этих двух надо убить как бешеных собак. Это — негодяи. Гнусные погромщики и грабители.

— А-а... так... — зловеще отвечают матросы.

— Д-да, т-товарищи. Я сам застрелю их. В руках у доктора матросский револьвер. Он целится. В голову. Одному. В голову. Другому».

Булгаковский интеллигент убить способен только в воображении, а в жизни предпочитает передоверить эту неприятную обязанность матросам. И даже протестующий крик Турбина: «За что же вы его бьете?!» — за-

глушается шумом толпы на мосту, что, кстати, спасает доктора от расправы. В условиях всеобщего насилия интеллигенция лишена возможности возвысить свой голос против убийств, как лишена возможности сделать это и позднее, в условиях установившегося к моменту создания романа коммунистического режима.

Хотя город Киев, насчитывавший в ту пору более 400 тыс. жителей, в булгаковском романе ни разу не назван по имени, а фигурирует просто как Город, но его топография дана вполне отчетливо, а автобиографические персонажи — семейство Турбиных — представлены очень узнаваемо. Вместе с тем, и это давно уже не секрет для исследователей булгаковского творчества, и Город в романе — это не вполне Киев, и семейство Турбиных — это не вполне семейство Булгаковых. Писатель сознательно стремился к широким художественным обобщениям, и Город у него — это олицетворение всех крупных городов бывшей Российской империи, оказавшихся в революционном водовороте. А Турбины — это простая русская интеллигентная семья, переживающая трагедию революции. Не случайно Булгаков в упомянутом письме правительству прямо выражал «глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина». Семью Турбиных пытается мобилизовать каждая из сторон Гражданской войны, но она всячески пытается сохранить «за кремовыми

Борис Соколов

шторами» прежний уют и стабильность своего существования, все более убеждаясь в том, что все стороны Гражданской войны стоят друг друга.

В своей книге я попытаюсь рассказать о некоторых загадках, связанных с романом, о прототипах некоторых главных и второстепенных персонажей романа, об исторических событиях, которые отразились на страницах «Белой гвардии». Начнем же мы с рассказа о судьбе писателя в бурные 1918—1920 годы, чтобы читателям стало яснее, как историческая реальность соотносится с художественной реальностью применительно к самому Михаилу Булгакову.

Михаил Булгаков в годы Гражданской войны 1918—1920

Прежде чем обратиться к судьбе Булгакова в период Гражданской войны, сделаем небольшой экскурс в то, что же происходило в любимом писателем Киеве начиная с Февральской революции и кончая завершением Гражданской войны. Эти события отражены в булгаковском фельетоне «Киев-город», опубликованном в берлинской газете «Накануне» 6 июля 1923 года, как раз в период работы над «Белой гвардией». Материалами для фельетона послужили воспоминания Булгакова о событиях 1917—1919 годов и впечатления от поездки в Киев по командировке от газеты «Накануне» в период с 21 апреля по 10 мая 1923 года. Булгаков утверждал: «По счету киевлян у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил». Первым переворотом писатель считал Февральскую революцию, а последними двумя — занятие города войсками Польши и Украинской Народной Республики 7 мая 1920 года и вступление в город Красной Армии 12 июня того же года после

прорыва польского фронта конницей Буденного. Под 14 переворотами в Киеве Булгаков имеет в виду: 1) Февральская революция 1917 года; 2) взятие власти в городе украинской Центральной Радой (Центральным Советом) в конце октября — начале ноября 1917 года, когда восстание, начатое против власти Временного правительства большевиками и некоторыми поддержавшими их армейскими частями и рабочими, а также еврейскими-ремесленниками из предместий, было подавлено войсками, верными Центральной Раде, объявившей себя верховной властью на Украине после падения правительства Керенского в Петрограде; 3) захват Киева частями Красной гвардии, вытеснившими из города войска Центральной Рады 26 января 1918 года; 4) возвращение в город Центральной Рады при поддержке австро-германских войск 1 марта 1918 года; 5) свержение правительства Центральной Рады германскими войсками и провозглашение на созванном в киевском цирке 29 апреля 1918 года Съезде хлеборобов гетманом Украины Павла Петровича Скоропадского, бывшего генерал-лейтенанта царской службы и бывшего командующего войсками Центральной Рады; 6) свержение гетмана Скоропадского и взятие Киева 14 декабря 1918 г. войсками Украинской Народной Республики под командованием головного атамана и руководителя Украинской Директории (правительственного органа) Симона Васильевича Петлюры; 7) занятие Киева войсками Красной Армии 5 февраля 1919 года (украинские войска оставили город накануне, 3 февраля, так что никаких боев за город не было); 8) вступление в Киев утром 31 августа 1919 года войск Украинской Народ-

ной Республики (красные оставили город 30 августа); 9) вступление в город войск белой Добровольческой армии Вооруженных Сил Юга России генерала А. И. Деникина (войсками, занявшими Киев, командовал генерал Н. Э. Бредов) и отступление из Киева украинских войск во второй половине дня 31 августа 1919 года; 10) взятие города Красной Армией 14 октября 1919 года; 11) отступление из Киева красных 16 октября 1919 года и возвращение в город добровольческих войск; 12) занятие Киева красными 14 декабря 1919 года; 13) вступление в город украинских и польских войск 7 мая 1920 года; 14) занятие Киева Красной Армией 12 июня 1920 года. Если 1-м явлением «киевской драмы» считать «беспечальное» дореволюционное состояние города, то захват города поляками и петлюровцами 7 мая 1920 г. действительно будет, как это и указано в фельетоне, последним 14-м явлением перед установлением современного состояния (*Status praesens*) Киева, оказавшегося в конце концов под властью большевиков. Булгаков отсутствовал в городе только во время четырех переворотов — осенью 1917 года, когда работал земским врачом в городской больнице Вязьмы; 14 декабря 1919 года, когда вместе с белой армией находился на Северном Кавказе; там он оставался и в 1920 году, уже при Советской власти, так что два последних киевских переворота, 7 мая и 12 июня, прошли без него.

Первый раз после начала революционных потрясений Булгаков приехал в Киев вскоре после того, как 2 марта 1917 г. в город пришла телеграмма депутата Государственной Думы от фракции прогрессистов А. А. Бубликова об отречении от престола Николая II. Эта те-

леграмма в булгаковском фельетоне выступает как знак окончания прежних беспечальных времен. Интересно, что Бубликов был не только железнодорожным инженером, но и членом масонской организации, а к масонству Булгаков питал пристальный интерес. Писатель наблюдал начавшиеся революционные события в городе и 7 марта забрал в канцелярии университета свой диплом с отличием и прочие документы. В феврале 1918 г. он вернулся в Киев в первые дни восстановления Советской власти и одновременно незадолго до оставления города красными. Так как в 1918 году в Советской России произошла смена юлианского и григорианского календаря (старого и нового стиля), различавшиеся в XX веке на 13 дней, то после 31 января старого стиля сразу наступило 14 февраля. Очевидно, Булгаковы вернулись в Киев сразу же после 22 февраля, когда Михаил Афанасьевич получил удостоверение о своей службе в Вяземской земской управе. Как раз 22 февраля 1918 года германские и австро-венгерские войска вошли на Украину в соответствии с договором, заключенным с Центральной Радой. Позднее, во второй половине 20-х годов, Булгаков сообщил своему другу философу и филологу Павлу Сергеевичу Попову: «Жил в Киеве с февраля 1918 года по август 1919 года». Учитывая эту датировку и счет киевских переворотов, можно предположить, что в конце августа 1919 г. Булгаков как врач был мобилизован красными и ушел из Киева. Факт мобилизации автобиографического главного героя в Красную Армию зафиксирован в рассказе «Необыкновенные приключения доктора», о чем мы подробнее скажем далее.

Первая жена Михаила Афанасьевича Татьяна Николаевна Лаппа вспоминала, как они возвращались в Киев из Вязьмы, где Булгаков служил врачом городской больницы: «В начале 18-го года он освободился от земской службы, мы поехали в Киев — через Москву. Оставили вещи, пообедали в «Праге» и сразу поехали на вокзал, потому что последний поезд из Москвы уходил в Киев, потом уже нельзя было бы выехать. Мы ехали потому, что не было выхода — в Москве остаться было негде... В Киев при нас вошли немцы».

Не исключено, что Булгаков застал если не сам красный террор, последовавший за занятием города советскими войсками, то, по крайней мере, живые воспоминания киевлян об этих событиях. Ведь сам он приехал в Киев почти что по следам обозов красных.

Вот как о взятии Киева красными зимой 1918 года пишет украинский историк Ярослав Тимченко: «9 февраля (26 января по ст. ст. — Б. С.) после девятидневного обстрела Киева из крупнокалиберных пушек со стороны Дарницы армия Муравьева ворвалась в город с лозунгом «Смерть украинцам и буржуйам!». Только в первые три дня тогдашние «защитники отчизны» уничтожили от 6 до 12 тыс. человек.

— Я приехал в Киев как раз тогда, когда он был взят, — вспоминал украинский большевик Владимир Затонский. — Страшное, кошмарное зрелище... Мы вошли в город: трупы, трупы и кровь. Тогда расстреливали всех. Просто на улицах. Я сам едва не погиб: среди бела дня меня один из наших патрулей остановил. Я ему показал свидетельство члена Украинского правительства, написанное на языке украинском, с печатью Все-

украинской Центральной Рады, крестьянских и красноармейских депутатов рабочих. На месте, наверное, расстреляли бы, — тогда же это прямо на улице делали, — если бы, к счастью, во втором кармане не было второго мандата — члена Совнаркома РСФСР за подписью Ильича». Тогда в Киеве было убито, по неполным данным, 2587 человек.

Годы Гражданской войны в булгаковской биографии характеризуются, наверное, наибольшим числом душевных потрясений, связанных с событиями братоубийственной борьбы. Только, разумеется, об ужасах красного террора, увиденных в Киеве, Булгаков не мог прямо писать не только в своих художественных произведениях, но даже и в письмах родным, ведь они могли попасть в ненадежные руки. Также Булгаков отнюдь не был заинтересован в том, чтобы привлекать чье-либо внимание к своей службе в разного рода антисоветских формированиях, будь то в офицерско-юнкерском добровольческом отряде, собиравшемся защищать гетмана Скоропадского от украинских войск Петлюры, или в Вооруженных Силах Юга России генерала Деникина. Не случайно период Гражданской войны — наименее документированный отрезок жизненного пути писателя. Ведь ему было что скрывать, и даже свою первую публикацию — фельетон «Грядущие перспективы» Булгаков не рискнул сохранить, поскольку он появился в ноябре 1919 года в Грозном, занятом в тот момент деникинской армией, и был по своему содержанию резко антисоветским, что вполне отражало чувства Михаила Афанасьевича. Поэтому биографу приходится становиться здесь на зыбкую почву ре-

конструкций. Единственный документ, сохранившийся от пребывания Булгакова в Киеве в 1918—1919 годах, — это рецепт, выписанный им 5 января 1919 года Н.Н. Судзиловскому, племяннику Л.С. Карума — мужа булгаковской сестры Вари (и прототипа Тальберга в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных» — о нем мы подробнее скажем ниже) и прототипу Лариосика Суржанского в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных». О Судзиловском-Лариосике мы тоже еще поговорим.

Телеграмма депутата Государственной Думы А.А. Бубликова об отречении Николая II от престола положила начало революционным событиям в Киеве. В 1923 году писатель уже твердо считал Февральскую революцию началом всех последующих бедствий. В «Киев-городе» он писал о ней так: «Легендарные времена оборвались, и внезапно и грозно наступила история. Я совершенно точно могу указать момент ее появления: это было в 10 часов утра 2-го марта 1917 года, когда в Киев пришла телеграмма, подписанная двумя загадочными словами: «Депутат Бубликов».

Ни один человек в Киеве, за это я ручаюсь, не знал, что должны были обозначать эти таинственные 15 букв, но знаю одно, ими история подала Киеву сигнал к началу. И началось и продолжалось в течение четырех лет».

2 марта был сформирован Исполнительный комитет объединенных общественных организаций, стоявший на позициях поддержки петроградского Временного правительства. Здесь преобладали кадеты. 3 марта возник городской совет рабочих, а 5 марта — военных депутатов. 4 марта партии и организации украинской

национальной ориентации образовали Центральную Раду (Центральный Совет). Как раз в эти дни Булгаков был в Киеве: он приезжал за университетским дипломом.

Следующий переворот случился в Киеве в конце октября — начале ноября 1917 года. После свержения Временного правительства в Петрограде власть в столице Украины взяла Центральная Рада (орган, представлявший население Украины), причем в ходе восстания преданные ей «украинизированные» войсковые части сражались с киевскими юнкерами, сохранившими верность Керенскому, и с частью рабочих, выступавших на стороне большевиков. В этих боях участвовал младший брат Булгакова Николай, юнкер Киевского военно-инженерного училища. События тех памятных дней отразились в булгаковском рассказе «Дань восхищения», опубликованном в одной из кавказских газет в феврале 1920 года, и в романе «Белая гвардия». Однако самого Михаила в Киеве в тот момент точно не было, он вместе с женой оставался в Вязьме. Рассказ он писал со слов очевидцев — матери и брата Николая.

К Центральной Раде, к гетману Скоропадскому и к пришедшей ему на смену Украинской Народной Республике во главе с Симоном Петлюрой Булгаков до конца жизни сохранил сугубо отрицательное отношение. Избрание Центральной Рады в апреле 1917 года и ее последующие действия он иронически охарактеризовал в «Белой гвардии»: «Когда же к концу знаменитого года в городе произошло уже много чудесных и странных событий и родились в нем какие-то люди, не имеющие сапог, но имеющие широкие шаровары,

выглядывающие из-под солдатских серых шинелей, и люди эти заявили, что они не пойдут ни в коем случае из Города на фронт, потому что на фронте им делать нечего, что они останутся здесь, в Городе, ибо это их Город, украинский город, а вовсе не русский».

Третья смена власти в Киеве произошла, как мы уже упоминали, 26 января 1918 года, когда Красная Армия вытеснила войска Центральной Рады из города. Это стало следствием скоротечной украинско-русской войны. Еще до ее начала Центральная Рада своим Третьим универсалом провозгласила создание Украинской Народной Республики (УНР) как части федеративной Российской Республики. Одновременно ликвидировалась частная собственность на землю, помещичьи земли передавались крестьянам, вводился 8-часовой рабочий день, а евреям и полякам гарантировалась национально-территориальная автономия. После того как 4 декабря Совнарком предъявил Центральной Раде невыполнимый ультиматум и начались боевые действия, в Киеве был взят курс на полную независимость. 9 января 1918 года, в день созыва Украинского учредительного собрания, был провозглашен Четвертый (и последний) универсал Центральной Рады, объявлявший полную государственную независимость Украины. Все эти постановления остались только на бумаге. Украинские войска не могли сдержать натиск красновардейских отрядов, возглавлявшихся левым эсером подполковником М.А. Муравьевым. Положение усугубилось тем, что секретарь (министр) Рады по военным делам С.В. Петлюра, единственный политический деятель, пользовавшийся популярностью в только

еще рождающейся украинской армии, из-за разногласий с другими руководителями Рады в конце декабря вышел в отставку и сформировал Гайдамацкий кош (полк) Слободской Украины, во главе которого в январе подавил пробольшевистское восстание рабочих завода «Арсенал», но удержать Киев все равно не смог. Большая часть украинских полков и дивизий были украинскими только по названию. Они либо расходились по домам, либо отказывались сражаться против красных.

По этому поводу Булгаков заметил в «Белой гвардии»: «Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки, которые пришли откуда-то из-за лесов, с равнины, ведущей к Москве».

Вообще Центральная Рада мало чем отличалась в лучшую сторону от недавно свергнутого Временного правительства. Это был недееспособный орган, погруженный в дразгах партий и политиков, не обладающий ясно выраженной единой волей, столь необходимой в чрезвычайных условиях революции и гражданской войны. Но тут следует отметить, что теми же чертами обладали и другие украинские органы власти: гетманщина, Директория и даже советское правительство Украины, очень быстро превратившееся в марионетку московского Совнаркома и оказавшееся не в состоянии справиться с местными «батьками» и атаманами. Что ж, вполне оправдалась поговорка: «Где два украинца, там три гетмана».

Новый переворот не заставил себя долго ждать. Правительство бывшей Центральной Рады, представленное в основном партиями социалистической ори-

ентации и выступавшее за радикальные аграрные преобразования, не устраивало Германию и Австро-Венгрию, рассчитывавших получить с Украины практически задаром продовольствие для своего голодающего в условиях антантовской блокады населения.

Германское и австро-венгерское командование преследовало одну цель — обеспечить из Украины регулярные поставки сельскохозяйственной продукции в голодающие Германию и Австро-Венгрию. 6 апреля командующий германскими войсками на Украине фельдмаршал Герман фон Эйхгорн издал приказ, в котором требовал организованно провести посевную кампанию. При этом подчеркивалось, что урожай будет принадлежать тем, кто засеет площади. Крестьяне, не засеявшие хотя бы часть своих земель, будут наказаны. Кроме того, крестьяне должны были помогать в обработке помещичьих земель. Приказ фельдмаршала вызывал недовольство Центральной Рады. Украинский МИД заявил по поводу приказа Эйхгорна официальный протест Германии, а Министерство земельных дел оповестило крестьян, что злополучный приказ выполнять не следует. Министерство же юстиции своим распоряжением объявило, что немецко-австрийские войска не имеют права казнить и подвергать заключению украинских граждан по приговорам своих полевых судов, поскольку в Украине существуют собственные гражданские и военные суды.

После этого судьба Центральной Рады была решена. Поводом к перевороту послужил арест по приказу Рады киевского банкира Юрия Доброго, члена финансовой комиссии на переговорах с немцами, об-

виненного в ряде финансовых преступлений. В ответ немецкие войска арестовали несколько министров (секретарей) Центральной Рады. При поддержке оккупационных властей 29 апреля 1918 года в городском цирке на «съезде хлеборобов», состоявшем почти исключительно из крупных землевладельцев, гетманом Украины был избран потомок украинского гетмана XVIII века Павел Петрович Скоропадский, генерал-лейтенант царской службы, ранее возглавлявший 1-й Украинский корпус Центральной Рады и ушедший в отставку одновременно с Петлюрой. Он был готов безропотно исполнять все распоряжения немцев и австрийцев и вообще не имел сколько-нибудь отчетливой политической программы. Наверное, Павел Петрович был неплохим командиром дивизии и корпуса, но вот политиком оказался никаким и не пользовался популярностью среди населения Украины. Даже русские офицеры, которых немало скопилось в Киеве, где они надеялись под сенью германо-австрийских штыков найти защиту от Красной Армии, гетмана не любили. Раздражение вызывали комедия с украинизацией армии и Украинской Державы, нежелание хоть в чем-то спорить с немцами, а также нежелание воевать с большевиками. Поддерживали гетмана только его сослуживцы по кавалергардскому полку, составившие костяк гетманского конвоя, а также украинские помещики, сформировавшие Полтавский конный партизанский отряд, который позднее слился с гетманским конвоем.

Избрание гетмана Булгаков в «Белой гвардии» прокомментировал с нескрываемой иронией: «В апреле

восемнадцатого, на Пасхе, в цирке весело гудели матовые электрические шары и было черно до купола народом. Тальберг стоял на сцене веселой, боевой колонной и вел счет рук — шароварам крышка, будет Украина, но Украина «гетьманская», — выбирали «гетьмана всея Украины»... по какой-то странной насмешке судьбы и истории, избрание его, состоявшееся в апреле знаменитого года, произошло в цирке. Будущим историкам это, вероятно, даст обильный материал для юмора.

Скоропадский провозгласил создание «Украинской Державы», находившейся в полной зависимости от поддержки Центральных держав. С.В. Петлюра сразу по возвращении в Киев из-за неприятия австро-германской оккупации вышел в отставку и возглавил Всеукраинский земский союз. Он резко критиковал политику гетмана, восстановившего помещичье землевладение и 12-часовой рабочий день и преследовавшего демократические организации. В начале июля Петлюра был арестован. Его выпустили из Лукьяновской тюрьмы 12 ноября, по требованию социалистов, вошедших в коалиционное правительство гетмана, в самый канун большого антигетманского восстания. Все эти события Булгаков довольно точно описал в «Белой гвардии».

Его возглавили бывшие руководители Центральной Рады — С.В. Петлюра и писатель В.К. Винниченко, лидеры разных фракций украинских социал-демократов. 14 ноября они образовали Украинскую Директорию (третий руководитель Центральной Рады, историк М.С. Грушевский, в нее не вошел), причем Петлюра стал главой армии Директории (головным атаманом), а Винниченко — главой правительства.

К личности Петлюры Булгаков относился сугубо отрицательно и с иронией писал о нем в фельетоне «Киев-город»: «Рекорд побил знаменитый бухгалтер, впоследствии служащий союза городов Семен Васильевич Петлюра. Четыре раза он являлся в Киев, и четыре раза его выгоняли». Он считал вождя украинского национального движения фигурой несерьезной, во многом мифической: «...В городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага, коей предписывалось выписать из камеры № 666 содержащегося в означенной камере преступника... Узник, выпущенный на волю, носил самое простое и незначительное наименование — Семен Васильевич Петлюра. Сам он себя, а также городские газеты периода декабря 1918 — февраля 1919 годов называли на французский манер — Симон. Прошлое Симона было погружено в глубочайший мрак... Не было! Не было этого Симона вовсе на свете. Ни турка, ни гитары под кованым фонарем на Бронной, ни земского союза... ни черта. Просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного 18-го года».

Кто же такой в действительности был Петлюра? Симон Васильевич Петлюра родился в 1879 году в Полтаве, в семье извозчика. Учился в духовной семинарии, потом в Харьковском университете, а закончил образование во Львовском университете в австрийской Галиции. Петлюра был одним из лидеров Украинской социал-демократической партии. В годы Первой мировой войны он состоял председателем Главной контрольной комиссии Земского союза по Западному фронту,

а после Февральской революции 1917 года — председателем Украинского фронтового комитета. Осенью 1917 года Петлюра стал секретарем (министром) Центральной Рады по военным делам, в конце 1917 — начале 1918 года он также был командующим войсками Центральной Рады, но ушел с этого поста незадолго до занятия Киева советскими войсками. После возвращения в Киев Центральной Рады вместе с австро-германскими войсками в марте 1918 года Петлюра вышел в отставку и на первом киевском губернском земском собрании был избран председателем киевской земской управы, а впоследствии — председателем управы Всеукраинского земского союза. 11 августа 1918 года Петлюра был арестован по распоряжению правительства гетмана Скоропадского. В начале ноября 1918 года гетман освободил Петлюру из заключения. В тот момент Скоропадский, осознавший, что в связи с начавшейся в Германии революцией немцы с Украины уйдут, лихорадочно искал поддержки со стороны деятелей любых политических направлений, вплоть до большевиков, и наивно рассчитывал привлечь Петлюру на свою сторону. 14 ноября 1918 года в Белой Церкви Петлюра обнаружил воззвание о восстании против Скоропадского и вместе с писателем Владимиром Винниченко создал Директорию Украинской Народной Республики — коллективный правительственный орган из представителей оппозиционных режиму гетмана партий. Директорией Петлюра был провозглашен головным атаманом — главнокомандующим войсками Директории, которые 14 декабря 1918 года взяли Киев.

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. и поражения, нанесенного Красной Армией украинским войскам в ноябре 1920 года, Петлюра эмигрировал в Польшу, а впоследствии во Францию. Публиковал статьи в украинских изданиях за пределами СССР. Публицистикой фактически и ограничивалась его политическая деятельность. Тем не менее 25 мая 1926 года Симон Васильевич был убит еврейским поэтом и анархистом Самюэлем Шварцбардом, часовым мастером по основной специальности и бывшим бойцом бригады Григория Котовского. Он мстил за еврейские погромы, проводившиеся украинскими войсками. В октябре 1927 года убийца Петлюры был оправдан французским судом присяжных.

Булгаков, будучи противником отделения Украины от России, негативно относился к деятельности и личности Петлюры. В романе он, среди прочего, именуется «земгусаром» — презрительная кличка, которой фронтовые офицеры называли сотрудников Союза земств и городов, работавших в тылу по снабжению войск. Вероятно, писатель был знаком с очерком А. Павловича «Петлюра», появившимся в апреле 1919 года в ростовском журнале «Донская волна». Его автор говорит о неясности прошлого своего героя: «...Воспитывался, если не ошибаюсь, в семинарии, или вообще в каком-то духовном учебном заведении, затем учился в Харьковском университете и закончил образование, кажется, в Австрии». Павлович передает и широко распространенные противоречащие друг другу слухи о П.: «Петлюра поднял восстание против гетмана!» — «Петлюра мятежник! Петлюра — большевик!» — «Петлюра в Пол-

таве, Петлюра в Киеве, Петлюра в Фастове». Везде он воодушевляет войска, везде он произносит речи. И между тем никто не видит и не знает Петлюру... Петлюра нечто мифическое». Автор очерка признавал, что если настроение петлюровского войска «все же стало клониться к большевизму — то сдержать этого явления Петлюра при всем желании не мог». Вместе с тем Павлович относился к головному атаману, который тогда, весной 1919 года, еще не был повержен, с уважением и без антипатии, считая Симона Васильевича «умным человеком» и «честным революционером», не повинным, в частности, в еврейских погромах, творимых его солдатами, которых Петлюра был не в состоянии обуздать, хотя и расстрелял впоследствии атамана Семесенко, организатора нашумевшего погрома в Прокурове в феврале 1919 года, вскоре после оставления войсками УНР Киева. Тогда евреев убивали исключительно холодным оружием, чтобы не тратить дефицитных патронов. Вместе с тем надо признать, что еврейские погромы на Украине и вообще в «черте оседлости» творили военнослужащие всех противоборствующих армий.

Точно таким же образом Булгаков в «Белой гвардии» говорит о непроясненности прошлого головного атамана и приходит к одинаковому с Павловичем выводу: «— Ну, так вот что я вам скажу: не было. Не было! Не было этого Симона вовсе на свете... Просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного 18-го года». Подобно автору очерка в «Донской волне», Булгаков перечисляет противоречивые слухи о местонахождении и внешности главы Директории: «Петлюра во двор-

це принимает французских послов с Одессы... Петлюра в Берлине президенту представляется по случаю заключения союза... Петлюра має резиденцию в Билой Церкви. Теперь Била Церковь буде столицей... Он в Виннице... Петлюра в Харькове... Петлюра в Бельгии...» Петлюра здесь наделен сходством с дьяволом, у которого по традиции неопределимая внешность и способность одновременно находиться в разных удаленных друг от друга местах. Булгаков, в отличие от Павловича, совсем не считал Петлюру умным человеком и честным революционером, вдоволь насмотревшись на плоды его деятельности. В окончании «Белой гвардии», не опубликованном в свое время из-за закрытия журнала «Россия», Петлюра в сне Алексея Турбина уподоблялся нечистой силе, исчезающей на рассвете с первым пением петухов: «Петурра!.. Петурра... Петурра... храпит Алексей... Но Петурры уже не будет... Не будет, кончено. Вероятно, где-то в небе петухи уже поют, предутренние, а значит, вся нечистая сила растаяла, унеслась, свилась в клубок в даях за Лысой Горой (место шабаша ведьм под Киевом, согласно славянской мифологии. — Б. С.) и более не вернется. Кончено». Связь Петлюры с потусторонним миром подчеркивается в булгаковском романе и номером камеры, из которой его освободили, что навлекло несчастье на город. Номер этот — 666, «число Зверя», связанное в Апокалипсисе с антихристом. Здесь лидер украинского национального движения уподоблен даже не просто мифу, а нечистой силе, исчезающей на рассвете с первым пением петухов (позднее в «Мастере и Маргарите» вот так же исчезают Гелла и Варенуха, оставляя в покое несчастного Римского).

Не получив поддержки со стороны Англии и Франции, Петлюра, в отличие от Юзефа Пилсудского в Польше, так и не смог выполнить миссию общенационального лидера — создателя жизнеспособного украинского государства. Пилсудскому еще в годы Первой мировой войны удалось создать три бригады польских легионов в составе австрийской армии, так что после окончания Первой мировой войны Польское государство имело под рукой достаточно многочисленную и боеспособную армию. Украинские же легионеры австрийской армии были немногочисленны, втрое уступая по численности польским легионам. Кроме того, в отличие от польских легионеров, украинские легионеры не имели самостоятельных бригад, а побатальонно включались в обычные австрийские бригады и дивизии. В тот момент, когда происходило действие булгаковского романа, украинские легионеры как раз изнемогали в боях с польской армией в Восточной Галиции. В Киеве же Петлюра боеспособных украинских войск почти не имел. Формально украинизировавшиеся соединения русского Юго-Западного фронта были украинскими только по названию, воевать ни с кем не желали и расходились по домам. Из тех легионеров, что оказались в русском плену, Евгений Коновалец как раз и создал наиболее боеспособную часть украинской армии — батальон, а потом полк сечевых стрельцов, но это была капля в море. На судьбе украинской государственности самым негативным образом сказалось и то, что Петлюра не обладал ни военным опытом, ни военным талантом Пилсудского.

Петлюра был единственным из украинских политиков, кто обладал хоть какой-то харизмой и пользовался популярностью среди масс украинского населения. В то же время он вызывал столь же сильную ненависть среди русского населения Украины, выступавшего против ее независимости, а также со стороны пробольшевистски и анархистски настроенной части украинского населения. В «Киев-городе» Булгаков подчеркнул, что надежды на возвращение Петлюры, которые все еще питает часть украинцев, тщетны: «...За что молятся автокефальные (священники Украинской автокефальной православной церкви. — Б. С.) — я не знаю. Но подозреваю. Если же догадка моя справедлива, могу им посоветовать не тратить сил. Молитвы не дойдут. Бухгалтеру в Киеве не бывать».

Собственно украинская культура, в отличие от польской, до 1917 года существовала лишь несколько десятилетий, и общегосударственная украинская идея не смогла получить необходимой поддержки у населения. Большинство крестьян объединялось в отряды или даже просто уголовные банды, преследовавшие лишь местные интересы и часто в равной мере враждебные всем — и белым, и красным, и немцам, и полякам, а иной раз — самому Петлюре. Булгаков воочию видел плоды усилий «честного революционера». Он понимал, что миф Петлюры подкрепляла крестьянская ненависть к помещикам, офицерам и поддерживавшим их германским оккупантам. В то же время автор «Белой гвардии» признавал, что петлюровские войска легко склонялись к большевизму, и в булгаковском романе такая «оборачиваемость» украинских солдат подчер-

квивается не только красным цветом шляпок их папах (такие шляпки петлюровцы действительно носили), но и тем, что Алексей Турбин в финале видит во сне среди большевиков тех самых петлюровцев, которые преследовали его на Мало-Провальной и чуть не убили в день падения гетмана.

Точно так же и парад петлюровцев в Киеве в «Белой гвардии» представлен как некое наваждение, которому скоро суждено исчезнуть: «То не серая туча со змеиным брюхом разливается по городу, то не бурые, мутные реки текут по старым улицам — то сила Петлюры не-сметная на площадь старой Софии идет на парад. Первой, взорвав мороз ревом труб, ударив блестящими тарелками, разрезав черную реку народа, пошла густыми рядами синяя дивизия. В синих жупанах, в смушковых, лихо заломленных шапках с синим верхом шли галичане. Два двуцветных прапора, наклоненных меж обнаженными шашками, плыли следом за густым трубным оркестром, а за прапорами, мерно давя хрустальный снег, молодецки гремели ряды, одетые в добротное, хоть немецкое сукно».

Не случайно колонны петлюровцев сравниваются с тучей, змеей и мутными реками.

К другому лидеру Директории, писателю Владимиру Винниченко, Булгаков относился столь же иронически, как и к Петлюре, что отразилось в его характеристике в «Белой гвардии»: «Затем появился писатель Винниченко, прославивший себя двумя вещами — своими романами и тем, что лишь только колдовская волна еще в начале восемнадцатого года выдернула его на поверхность отчаянного украинского моря, его в сати-

рических журналах города Санкт-Петербурга, не медля ни секунды, назвали изменником».

Иронизировал Булгаков в «Киев-городе» и над украинским языком, который стремились ввести на Украине в качестве государственного Петлюра и Винниченко и который сохранялся в качестве преобладающего и в 20-е годы уже на советской Украине: «Это киевские вывески. Что на них только написано, уму непостижимо. Оговариваюсь раз и навсегда: я с уважением отношусь ко всем языкам и наречиям, но тем не менее киевские вывески необходимо переписать. Нельзя же, в самом деле, отбить в слове «гомеопатическая» букву «я» и думать, что благодаря этому аптека превратится из русской в украинскую. Нужно, наконец, условиться, как будет называться то место, где стригут и бреют граждан: «голярня», «перукарня», «цирульня» или просто-напросто «парикмахерская». Мне кажется, что из четырех слов — «молошна», «молочна», «молочарня» и «молошная» — самым подходящим будет пятое — молочная. Ежели я заблуждаюсь в этом случае, то в основном я все-таки прав — можно установить единообразие. По-украински так по-украински. Но правильно и всюду одинаково». На самом деле вся киевская интеллигенция и многие горожане говорили на русском языке. Украинский просторечный говор, но с большими вкраплениями русских слов, преобладал только на киевских окраинах. Поэтому основная часть киевского населения, и особенно беженцы из России, за счет которых численность горожан увеличилась с 400 до 700 тыс. человек, воспринимала украинизацию весьма болезненно. И особое раздражение вызывало введение укра-

инского языка гетманом Скоропадским, который сам спешно начал учить украинский только после большевистского переворота.

Тем любопытнее, что сходные с булгаковскими мысли о развитии украинского языка и его соотношения с русским, равно как и о перспективах украинской государственности высказывал не кто иной, как... сам гетман Скоропадский. В мемуарах, написанных в эмиграции по горячим следам событий, Павел Петрович утверждал: «Великороссы совершенно не признают украинского языка, они говорят: «Вот язык, на котором говорят в деревне крестьяне, мы понимаем, а литературного украинского языка нет. Это — галицийское наречие, которое нам не нужно, оно безобразно, это набор немецких, французских и польских слов, приуроченных к украинскому языку». Бесспорно, что некоторые галичане говорят и пишут на своем языке; безусловно верно, что в некоторых министерствах было много этих галичан, которые досаждали публике своим наречием, но верно и то, что литературный украинский язык существует, хотя в некоторых специальных вопросах он и не развит. Я вполне согласен, что, например, в судопроизводстве, где требуется точность, этот язык нуждается в еще большем развитии, но это частности. Вообще же это возмутительно-презрительное отношение к украинскому языку основано исключительно на невежестве, на полном незнании и нежелании знать украинскую литературу.

Великороссы говорят: «Никакой Украины не будет», а я говорю: «Что бы то ни было, Украина в той или иной форме будет. Не заставишь реку идти вспять,

так же и с народом, его не заставишь отказаться от его идеалов. Теперь мы живем во времена, когда одними штыками ничего не сделаешь». Великороссы никак этого понять не хотели и говорили: «Все это оперетка», — и довели до Директории с шовинистическим украинством со всей его нетерпимостью и ненавистью к России, с радикальным поведением, насаждением украинского языка и, вдобавок ко всему этому, с крайними социальными лозунгами. Только кучка людей из великороссов искренне признавала федерацию».

Булгаков тоже готов был согласиться лишь на федерацию Украины с Россией, при условии, что они останутся в составе единого государства, в данном случае — СССР. Гетман же федерацию мыслил только с будущей небольшевистской Россией. И, между прочим, «пошлой опереткой» в «Белой гвардии» называет Тальберг и Центральную Раду, и гетманское правление. Гетман наверняка читал «Белую гвардию» и, вполне возможно, отсюда позаимствовал слово «оперетка» применительно к Директории, хотя свои собственные начинания Павел Петрович наверняка не считал. Вообще же опереткой попытки возрождения украинского языка и государственности называли потому, что русская образованная публика традиционно связывала украинское с оперетками и операми, вроде «Запорожца за Дунаем» украинского певца и композитора Семена Степановича Гулака-Артемовского, впервые поставленного в Мариинском театре в 1863 году, и главную мужскую партию Карся исполнил сам Гулак-Артемовский. Не случайно одного из героев «Белой гвардии», офицера-

артиллериста, а в прошлом студента Степанова шутиливо зовут Карасем, хотя на запорожца-подкаблучника, в отличие от героя оперы, он совсем не похож. Оперу Гулак-Артемовского вполне можно было бы назвать и опереттой, поскольку это комическая опера, и грань, отделяющая ее от собственно оперетты, достаточно условна. Правда, впоследствии выяснилось, что музыка «Запорожца за Дунаем» заимствована из оперы Моцарта «Похищение из сераля», но популярности оперы у украинской и русской публики это не слишком повредило.

К моменту антигетманского восстания в распоряжении Скоропадского под ружьем находилось около 65 тысяч штыков. Но немногие боеспособные части гетманских войск (Запорожская и Серожупанная дивизии, Черноморский кош и Сечевой отряд) вскоре перешли на сторону Директории, которую возглавляли Петлюра и Винниченко. На сторону Украинской Народной Республики перешел также Подольский кадровый корпус, передавший петлюровцам большие склады вооружения и одежды. Армию Петлюры поддерживали многочисленные отряды крестьян-повстанцев, имевшие слабое представление о воинской дисциплине, фактически не контролировавшиеся вождями восстания и проявлявшие особую жестокость по отношению к помещикам и евреям. Вспомним, как у Булгакова в романе «показался в багровом заходящем солнце повешенный за половые органы шинкарь-еврей». На стороне Скоропадского оставались лишь небольшие по численности кадры украинской армии, офицерские дружины, Сердюкская дивизия, в конце концов также присоеди-

нившаяся к петлюровцам, да Инструкторская офицерская школа.

Украинская Директория 17 ноября заключила соглашение с немецким командованием о нейтралитете немецких войск, за что им был обещан беспрепятственный уход с Украины. Украинские войска не должны были занимать Киев до окончания эвакуации немецких войск и не должны были препятствовать продвижению немецких эшелонов по украинским дорогам. Гетману же был предъявлен ультиматум о капитуляции. 18 ноября под Киевом, у станции Мотивиловка, галицийцами-сечевиками была разбита 1-я Офицерская дружина, высланная гетманом против Петлюры. Находившийся при дружине дивизион Лубенского Сердюкского конно-казачьего полка во главе со своим командиром ротмистром Генштаба Юрием Отмарштейном перешел на сторону повстанцев. 20 ноября газета «Киевская мысль» сообщала: «Освобожденный недавно из тюрьмы по приказу гетмана Петлюра... поднял на Украине восстание против законной власти. С этой целью он занял города Белая Церковь и Бердичев и двинулся с приставшими к его отрядам бандами большевистской черни на Фастов и Киев». Правительство Скоропадского, которое на Украине практически никто не поддерживал, лихорадочно заметалось, пытаясь достичь соглашения с кем угодно: с немцами, Антантой, большевиками, Директорией или, наконец, с Добровольческой армией, поскольку в Киеве осело немало офицеров русской армии, сочувствовавших белым.

Как же жил Михаил Булгаков в Киеве в период гетманщины? Вот как описывает жизнь в квартире на Ан-

дреевском спуске в 1918—1919 годах Л.С. Карум, не слишком симпатизировавший Михаилу Афанасьевичу еще и до публикации романа «Белая гвардия», после которого они стали лютыми врагами: «В большой булгаковской квартире осталась молодежь (Варвара Михайловна вышла замуж за киевского врача Воскресенского и переехала вместе с младшей дочерью Лелей на квартиру к мужу): Михаил с женой, дочери — Вера, Варвара с мужем, два сына, Николай, только что поступивший на медицинский факультет, и Иван, гимназист 8-го класса. Оставался еще один из племянников, Константин Петрович Булгаков, другой племянник Николай уехал в Японию (их отец, Петр Иванович Булгаков, брат Афанасия Ивановича Булгакова, был священником русской миссии в Токио. — Б. С.). Вся молодежь решила, что будет жить коммуной. Наняли кухарку. Каждый должен был вносить в хозяйство свой пай. Хозяйкой коммуны выбрали Варвару.. Я встретился с Булгаковым во второй раз. После Октябрьской революции, с закрытием земства, Михаил приехал в Киев и занялся врачебной практикой... Он имел представительную наружность, был высокого роста, широк в плечах, узок в талии. Фигура — что надо, на ней прекрасно сидел бы фрак. Дома он отдыхал. Видно было, что привык к поклонению, пел, читал, музицировал. У него был недурной голос. Ежедневно он пел, аккомпанируя себе на пианино, арию и куплеты Мефистофеля из любимой своей оперы «Фауст», пел арию Дона Базилио из «Севильского цирюльника». Читал и перечитывал Гоголя и Диккенса, особенно восторгаясь «Записками Пик-

викского клуба», которые он считал непревзойденным произведением...

Практика врачебная у Булгакова наладилась хорошо. На передней двери на улицу он соорудил таблицу со своей фамилией, написанную им самим масляными красками, с часами своего приема... Булгаков умело обставил это дело, принимая больных вместе с «ассистентом». Для ассистентской работы была приспособлена Тася (Т.Н. Лаппа. — Б.С.). Ей был дан больничный халат. После приема Тася выполняла всю грязную работу: мыла посуду, инструменты, выносила ведра и ватные тампоны, одним словом, чистила все, что оставалось в кабинете врача по венерическим болезням.

Иногда вся коммуна делала в складчину вечеринку. Приглашались знакомые, больше молодежь. Но были и пожилые. Михаил был в центре внимания и веселья. Он ставил живые картинки и шарады. Помню одну из таких шарад. Первый слог был «бал». Танцевали. Второй слог «ба». Михаил прочел кусочек из комедии Грибоедова «Горе от ума», где был стих: «Ба, знакомые все лица». Наконец, третий слог чан. Михаил притащил из кухни чан и стал делать вид, что в нем что-то варит. Наконец, все вместе — Балбачан. Эта фамилия всем киевлянам была хорошо известна. В это время происходила острая борьба Петлюры с гетманом. Балбачан был одним из петлюровских атаманов (в «Белой гвардии» этот атаман выведен как полковник Болботун — объект шуток со стороны жителей Города: «— Иван Иванович, что это вы сегодня не в духе? — Да жена напетлюрила. С самого утра сегодня болботунит...» Подлинная же фамилия прототипа была Балбачан — Б.С.)... Так ком-

муна и жила. Каждый в ней работал или учился в своей области. И все было бы относительно спокойно, если бы ночью не случалось странное волнение и шум. Вставала Тася, одевалась, бежала в аптеку. Просыпались сестры, бежали в комнату к Михаилу. Почему? Оказалось, что Михаил был морфинистом, и иногда ночью после укола, который он делал себе сам, ему становилось плохо, он умирал. К утру он выздоравливал, но чувствовал себя до вечера плохо. Но после обеда у него был прием, и жизнь восстанавливалась. Иногда же ночью его давили кошмары. Он вскакивал с постели и гнался за призраками. Может быть, отсюда и стал в своих произведениях смешивать реальную жизнь с фантастикой».

Вполне возможно, что состояние наркотического бреда передано в описании болезни Алексея Турбина: «Турбин стал умирать днем двадцать второго декабря. День этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня Рождества... Он лежал, источая еще жар, но жар уже зыбкий и непрочный, который вот-вот упадет. И лицо его уже начало пропускать какие-то восковые оттенки, и нос его изменился, утончился, и какая-то черта безнадежности вырисовывалась именно у горбинки носа, особенно ясно проступавшей»; «Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал: — Голым профилем на ежа не сядешь!.. Святая Русь — страна деревянная, нищая и опасная, а русскому человеку честь — только лишнее бремя. — Ах ты! — вскричал во сне Турбин. — Г-гадина, да я тебя. — Турбин во сне полез в ящик стола доставать «браунинг», сонный, достал,

хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал».

Хотя, подчеркнем, прямо о морфинизме Алексея Турбина ничего не говорится, и по авторскому замыслу он никак не должен восприниматься читателями как наркоман, хотя после ранения ему и колют морфий в качестве обезболивающего. Вообще Турбин в романе смотрится гораздо симпатичнее, чем, наверное, выглядел Булгаков в глазах окружающих в 1918—1919 годах, особенно тогда, когда употреблял морфий.

Т.Н. Лаппа свидетельствует, что в Киеве Булгаков продолжал употреблять этот коварный наркотик, к которому пристрастился еще будучи земским врачом в селе Никольское смоленской губернии в 1916 году. Он заразился, когда делал трахеотомию больному дифтерией ребенку, и, чтобы справиться с болезненными последствия, стал прибегать к наркотикам. Татьяна Николаевна вспоминала, что после возвращения в родной город «в первое время ничего не изменилось, — он по-прежнему употреблял морфий, заставлял меня бегать в аптеку, которая находилась на Владимирской улице, у пожарной каланчи. Там уже начали интересоваться, что это доктор так много выписывает морфия. И он, кажется, испугался, но своего не прекратил и стал посылать меня в другие аптеки.

Мать его, конечно же, ничего не знала об этом. И тогда я обратилась к Ивану Павловичу Воскресенскому за помощью. Он посоветовал вводить Михаилу дистиллированную воду. Так я и сделала. Уверена, что Михаил понял, в чем дело, но не подал вида и принял «игру». Постепенно он избавился от этой страшной

привычки. И с тех пор никогда больше не только не принимал морфия, но и никогда не говорил об этом». Думается, Булгаков очень болезненно реагировал на то, что позднее в романе Юрия Слезкина «Девушка с гор», о котором мы еще поговорим, врач Алексей Васильевич, прототипом которого послужил Михаил Афанасьевич, показан в прошлом наркоманом.

В последний момент гетман начал формировать добровольческие части из офицеров в безнадежной попытке отразить наступление на Киев армии Директории. В связи с этим Булгакову впервые пришлось принять непосредственное участие в Гражданской войне. В последний день гетманства Скоропадского, 14 декабря, он был то ли мобилизован в армию Скоропадского, то ли, что более вероятно, пошел в офицерские и юнкерские формирования в качестве военного врача добровольно. Татьяна Николаевна в разное время по-разному вспоминала об этом. Как свидетельствуют мемуаристы, в частности писатель Роман Гуль, гетман действительно издал приказ о мобилизации офицеров еще в ноябре, когда стал ясен скорый крах Германии в результате начавшейся революции, однако откликнулись на эту мобилизацию лишь те, кто реально хотел противостоять Петлюре и питал надежду потом присоединиться к Деникину. Очевидно, среди них был Булгаков, вместе с некоторыми своими друзьями гимназических и студенческих лет.

Т.Н. Лаппа вспоминала: «Пришел Сынгаевский (Николай Сынгаевский, гимназический приятель Булгакова, прототип Мышлаевского в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных». — Б. С.) и другие Мишины товарищи и вот

разговаривали, что надо не пустить петлюровцев и защищать город, что немцы должны помочь... а немцы все драпали. И ребята сговаривались на следующий день пойти. Остались даже у нас ночевать, кажется. А утром Михаил поехал. Там медпункт был... И должен был быть бой, но его, кажется, не было. Михаил приехал на извозчике и сказал, что все кончено и что будут петлюровцы».

Сам Булгаков дважды отразил свое участие в защите города от петлюровцев — в рассказе 1922 года «Необыкновенные приключения доктора» и в романе «Белая гвардия», писавшемся в 1922—1924 годах.

В начале февраля 1919 года под натиском Красной Армии армия Директории оставила Киев без боя. 5 февраля в город вступили красные. Восстание атамана Никифора Григорьева, изменившего Директории и перешедшего со своими войсками к красным, не позволило частям УНР дальше удерживать линию Днепра и вынудило их оставить Киев без боя. Кстати, именно григорьевцы отличались особо крупными и беспощадными еврейскими погромами. Слабость украинской власти проявлялась как в разногласиях между партиями и политиками (к тому времени Директорию покинул Владимир Винниченко), так и в их неспособности установить контроль над различными «батьками»-атаманами, с необыкновенной легкостью менявшими политическую ориентацию — украинскую на большевистскую, потом большевистскую — на анархистскую или «зеленую».

При отступлении из Киева украинские власти провели мобилизацию, призвав и Булгакова как военного врача. Михаил Афанасьевич к идее независимой укра-

инской государственности относился, мягко говоря, прохладно, и никакого намерения связывать свою судьбу с украинской армией, покидать родной дом и уходить в неизвестность не имел. К тому же правительство Директории плохо контролировало свое разношерстное воинство, среди которого было немало и чисто уголовных элементов. Начались еврейские погромы, людей на улицах часто убивали без суда. Не забылись и расправы над офицерами в декабре 1918 года. Вот как рассказывается о петлюровской мобилизации в «Необыкновенных приключениях доктора»:

«Происходит что-то неопишное... Новую власть тоже выгнали. Хуже нее ничего на свете не может быть. Слава богу. Слава богу. Слава...»

Меня мобилизовали вчера. Нет, позавчера. Я сутки провел на обледеневшем мосту. Ночью 15° ниже нуля (по Реомюру) с ветром. В пролетах свистело всю ночь. Город горел огнями на том берегу. Слободка на этом. Мы были посредине. Потом все побежали в город. Я никогда не видел такой давки. Конные. Пешие и пушки ехали, и кухни. На кухне сестра милосердия. Мне сказали, что меня заберут в Галицию. Только тогда я догадался бежать. Все ставни были закрыты, все подъезды были заколочены. Я бежал у церкви с пухлыми белыми колоннами. Мне стреляли вслед. Но не попали. Я спрятался во дворе под навесом и просидел там два часа. Когда луна скрылась, вышел. По мертвым улицам бежал домой. Ни одного человека не встретил».

Т.Н. Лаппа передает этот драматический случай несколько иначе и утверждает, со ссылкой на Михаила, что петлюровцы вслед ему все-таки не стреля-

ли, хотя Булгаков действительно пережил тогда сильное потрясение: «И вот петлюровцы пришли, и через какое-то время его мобилизовали. Однажды прихожу домой — лежит записка: «Приходи туда-то, принеси то-то». Я прихожу — на лошади сидит. Говорит: «Мы уходим сегодня в Слободку — это, знаете, с Подола есть мост в эту Слободку, — приходи завтра, за мостом мы будем», — еще что-то ему принести надо было. На следующий день я прихожу в Слободку, приношу бутерброды, кажется, папиросы, еще что-то. Он говорит: «Сегодня, наверное, драпать будут. Большевики подходят». А они (т. е. петлюровцы — Б. С.) большевиков страшно боялись. Я прихожу домой страшно расстроенная: потому что не знаю, удастся ли ему убежать от петлюровцев или нет. Остались мы с Варькой в квартире одни, братья куда-то ушли. И вот в третьем часу вдруг такие звонки!.. Мы кинулись с Варькой открывать дверь — ну, конечно, он. Почему-то он сильно бежал, дрожал весь, и состояние было ужасное — нервное такое. Его уложили в постель, и он после этого пролежал целую неделю, больной был (как и Алексей Турбин в «Белой гвардии», только у Булгакова болезнь была следствием нервного потрясения, а не ранения. — Б. С.). Он потом рассказал, что как-то немножко поотстал, потом еще немножко, за столб, за другой и бросился в переулок бежать (как герой «Необыкновенных приключений доктора». — Б. С.). Так бежал, так сердце колотилось, думал, инфаркт будет. Эту сцену, как убивают человека у моста, он видел, вспоминал».

Характерно, что как приход петлюровцев в город, так и их уход сопровождаются убийством еврея.

Сцену убийства Булгаков потом запечатлел в первоначальном наброске «Белой гвардии» — отрывке «В ночь на 3-е число», равно как и в основном тексте романа, в обоих случаях точно приурочив событие к ночи со 2 на 3 февраля 1919 года, ночи, запомнившейся ему навсегда.

Также и в рассказе 1926 года «Я убил» запечатлено потрясшее Булгакова в ночь со 2 на 3 февраля 1919 года в Киеве у Цепного моста убийство. Здесь командир петлюровцев полковник Лещенко (в «Белой гвардии» и рассказе «В ночь на 3-е число» — полковник Мащенко) рукояткой пистолета убивает неизвестного дезертира на глазах доктора. «Я убил» — это единственный рассказ, где интеллигент, имеющий автобиографические черты, действительно, а не только в воображении, как доктор Бакалейников из рассказа «В ночь на 3-е число» и доктор Турбин из «Белой гвардии», карает палача-петлюровца. Последней каплей, переполнившей чашу терпения доктора Яшвина, стали обвинения, брошенные ему в лицо женщиной, мужа которой расстреляли петлюровцы: «Какой вы подлец... вы в университете обучались — и с этой рванью... На их стороне и перевязочки делаете?! Он человека по лицу лупит и лупит. Пока с ума не свел... А вы ему перевязочку делаете?..» На убийство Яшвина провоцирует приказ Лещенко дать женщине 25 шомполов. Вместо перевязки доктор стреляет полковнику в голову из «браунинга», нарушая клятву Гиппократата. Бакалейникову и Турбину для этого требуются вообразаемые большевики-матросы, и они потом корят себя «интеллигентской мразью» за трусость и нерешительность. Доктор же Яшвин в конце рассказа с удовле-

творением констатирует: «О, будьте покойны. Я убил. Поверьте моему хирургическому опыту». Но сам Булгаков, несомненно, никого не убивал.

Во фрагменте «В ночь на 3-е число» Булгаков воспринимает уход петлюровцев из Киева как избавление города от нечистой силы, как предвестие его возрождения: «...Бежали серым стадом сечевики. И некому их было удерживать. Бежала и синяя дивизия нестройными толпами, и хвостатые шапки гайдамаков плясали над черной лентой... Осталась позади навеки Слободка с желтыми огнями и ослепительной цепью белых огней освещенный мост. И город прекрасный, город счастливый выплывал навстречу на горах».

Вступление Красной Армии в Киев 5 февраля 1919 года стало седьмой сменой власти в городе, начиная с Февральской революции. Красный террор стал еще более жестоким по сравнению с началом 1918-го. В 1919 году количество расстрелянных в Киеве большевиками, согласно различным оценкам, приводимым в книге известного историка С.П. Мельгунова «Красный террор в России», вышедшей в Берлине в 1923 году, составило от 3 до 12 тысяч человек.

Такой размах террора даже вызвал обеспокоенность вышестоящих инстанций. Из Москвы прибыла специальная комиссия, временно приостановившая расстрелы. Впрочем, они возобновились в июле — августе, когда положение красных в районе Киева ухудшилось. В мае — июле 1919 года вновь восстал атаман Григорьев, теперь уже против красных. К нему присоединились многие советские украинские части. Хотя восстание и было подавлено, но многие части и соеди-

нения украинской Красной Армии оказались разложены. Советские войска на Украине оказались небоеспособны в момент начала наступления армий Деникина и Петлюры. К последнему присоединилась часть григорьевцев во главе с бывшим начальником штаба Григорьева Юрием Иосифовичем Тютюнником.

Перед тем, как в Киеве произошли восьмая и девятая смены власти, в августе 1919 года, на Киев с юго-запада наступали украинские части, а с востока и севера — войска Добровольческой армии. Первыми к Киеву со стороны р. Ирпень подошли петлюровцы. 30 августа они ворвались в киевские предместья, и войска 12-й армии красных вынуждены были оставить город. Вот что говорилось в телеграмме реввоенсовета 12-й армии председателю Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкому: «30 августа вынужден оставить город. Отправились оттуда, когда петлюровцы зашли в предместье Пост-Волынский и снаряды тяжелой артиллерии стали ложиться на окраины. Дальнейшее сопротивление было невозможным... Приняты меры к планомерному отходу... Оставленный Киев был запружен отходящими войсками. Все шли в порядке. К вечеру с парохода был виден большой пожар и рвущиеся снаряды петлюровцев».

В то же время деникинская Добровольческая армия немало способствовала отступлению большевиков из Киева, так как угрожала перерезать последнюю железнодорожную ветку Киев — Курск, по которой еще можно было уйти из города на север.

29 августа петлюровцы вышли к реке Ирпень и разбили на юго-западных подступах к Киеву одну из бригад 44-й стрелковой дивизии Николая Александровича

Щорса, который на следующий день был убит. Утром 30 августа украинские войска под командованием генерала Антона Кравса, состоявшие из галицийцев и запорожцев, вошли в Киев и к вечеру заняли весь город. Одновременно на левом берегу деникинцы заняли Дарницю. На утро 31 августа был назначен парад, который должен был принимать головной атаман Петлюра. Однако парад пришлось отменить, поскольку уже днем в Киеве появились кавалерийские разъезды терских казаков, приданных 7-й пехотной дивизии генерала Николая Эмильевича Бредова, переправившиеся от Дарницы. Начались переговоры, на которых Кравс заявил, что Киев освободила Галицийская армия, которая, как и деникинцы, воюет против общего врага. Бредов ответил: «Киев — мать городов русских и украинским никогда не был и не будет!» Деникинцы, пользуясь своим численным перевесом, начали разоружать петлюровцев. К тому же Петлюра, наивно рассчитывавший достичь соглашения с Деникиным, запретил открывать огонь по белым. По соглашению, заключенному между Кравсом и Бредовым, город перешел под полный контроль белой армии, а петлюровские войска отошли обратно за реку Ирпень. Таким образом, в один день власть в Киеве сменилась дважды.

О. Василий Зеньковский, бывший министр вероисповеданий в правительстве Скоропадского, находившийся в тот момент в городе, вспоминал: «Петлюровские войска вошли в Киев с юга утром, т. е. часов на 3—5 раньше добровольческих отрядов. Они заняли центр города, стали продвигаться к Печерску; на городской думе появился украинский флаг. В первое сопри-

косновение с добровольческими отрядами петлюровцы вошли на Печерске. По моим сведениям, Петлюра во что бы то ни стало хотел удержать за собой Киев, но решил действовать осторожно и даже идти на разные соглашения с добровольцами — он хорошо сознавал, что большевики отошли от Киева только потому, что боялись быть отрезанными с севера. Петлюровские отряды, соприкоснувшись с добровольческими частями, согласно приказу, отошли назад, добровольческие части, естественно, более восторженно встреченные русским населением, чем петлюровцы, спустились на Крещатик к городской думе и водрузили рядом с украинским флагом национальный русский флаг. Небольшое время оба флага висели рядом, знаменуя некое единение двух антибольшевистских сил. Но тут-то и произошло печальное событие срыва украинского флага; между отрядами, находившимися друг против друга, вспыхнула беспорядочная перестрелка, которая быстро стихла. Украинцы отступили на Лукьяновку (т. е. к югу, по направлению Киево-Ковельской железной дороги); дня два они еще были в Киеве, но из главной ставки Добров. армии пришел категорический приказ прервать переговоры с Петлюрой. Соглашения, которое так легко было достигнуть в это время (украинцы, дорожа тем, чтобы хотя бы «символически», но без власти, остаться в Киеве, пошли бы на самые принципиальные уступки), достигнуто не было — так была совершена грубейшая трагическая ошибка. По существу, самое соглашение, которое неизбежно должно было покоиться на унижении украинцев (ибо оставить Киев в руках украинцев — чего они добива-

лись, обещая в дальнейшем доброжелательный нейтралитет — действительно было невозможно для «добровольцев» ввиду огромного стратегического значения Киева как крупного железнодорожного узла), но его нужно было бы добиться, чтобы иметь непосредственное соприкосновение с украинцами именно в Киеве. Для этого нужно было создать и максимально удерживать какую-нибудь «паритетную» комиссию, не владея вполне Киевом и не отдавая его всецело украинцам. Такое положение продолжилось бы не более нескольких месяцев — одна или другая сторона должна была бы уйти. А между тем за это время можно было бы добиться нового соглашения с Петлюрой, быть может, заключить даже серьезный союз и даже, в случае укрепления в других частях фронта, отдать им Киев, самим укрепившись непосредственно за Киевом (Дарница). Но в ставке Деникина уже был провозглашен лозунг «Единой неделимой России» — лозунг верный, но демагогически направленный против украинцев — говорю демагогически, потому что не все украинские группы к тому времени стояли так решительно за «самостийность».

Вскоре, 6 ноября 1919 года, Галицийская армия перешла на сторону белых, но в боях не участвовала, расположившись в районе Одессы. К тому времени до 90% ее личного состава были больны тифом. Оправдывая этот поступок, ее командующий генерал Мирон Тарнавский утверждал, что именно петлюровцы виновны в том, что не удалось удержать Киев, поскольку целая дивизия из петлюровских войск тогда перешла к Деникину, а в Киеве «население было за добровольцев». Как

справедливо пишет украинский публицист Александр Карпец, «Трагедия Украины была в том, что не нашлось своего Ленина, Пилсудского, Маннергейма», т. е. тех, кто мог бы построить жизнеспособное Украинское государство. Ни Грушевский, ни Винниченко, ни Петлюра, как показала история, на эту роль не годились. Беда была еще в том, что наиболее жизнеспособные украинские политические и военные структуры были созданы в Восточной Галиции, которая к середине 1919 года была полностью занята поляками. В восточной же Украине царила анархия атаманов в сельской местности, а в крупных городах русскоязычное по преимуществу население прохладно относилось к идее независимости Украины.

Если русское население Киева приветствовало деникинских добровольцев, то украинское население, особенно «щирые украинцы» — сторонники «самостийной Украины», по свидетельству киевлянина В. Корсака, не менее радостно приветствовали вступление в город войск Петлюры.

Деникин и другие руководители Белого движения ни на йоту не желали отступить от лозунга «единой и неделимой России». В начале октября 1919 года между войсками УНР и ВСЮР вспыхнули бои, складывавшиеся неудачно для украинских войск. Петлюра вынужден был бросить против Деникина все свои части, действовавшие ранее против Красной Армии, и фактически открыл дорогу советской фастовской группе к Киеву. В результате в октябре советские войска предприняли наступление на город. Член Зафронтбюро КП(б)У И. Гальперин, прибывший в Киев еще при